

«Великому Белому Царю ... в знак бесконечной любви»: дары калмыков императорской семье

Ирина Ивановна Мучаева¹, Эльза Петровна Бакаева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7555-3182. E-mail: muchaevaii[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5188-1202. E-mail: ebakaeva[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Мучаева И. И., Бакаева Э. П., 2023

Аннотация. Процесс добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства сопровождался отправлением официальных делегаций к монаршему двору и практикой преподнесения даров. Подобная практика сохранялась и впоследствии. Статья посвящена так называемым «дарам калмыков», преподнесившимся членам императорской семьи. *Цель* статьи заключается в рассмотрении экспонатов из фондов Российского этнографического музея, представляющих собой дары, преподнесенные калмыками монаршим особам, как источников по истории событий, связанных с депутациями донских и астраханских калмыков к императору Николаю II в ноябре 1908 г. и феврале 1909 г. *Материалы и методы.* К проблемно-хронологическому анализу привлечен круг источников, включающий экспонаты из Российского этнографического музея, а также официальные периодические издания начала XX в., архивные материалы из фондов Российского государственного исторического архива, отчетную документацию и книги поступлений Российского этнографического музея. *Результаты.* В качестве даров преподносились не случайные предметы, имеющие

материальную ценность. Каждый из предметов, представленный императору, не только был уникальным, но и имел символическое значение. Проведенный анализ символики даров указывает о стремлении калмыков, вне зависимости от их административно-территориального проживания (калмыки Калмыцкой степи Астраханской губернии или калмыки казачьих станиц Области Войска Донского), не только к взаимному расположению власти и народа, но и к проявлению верноподданнических чувств и передаче благопожеланий как в приветственных адресах, так и в языке даров, с обращением к покровительству буддийских божеств. Анализ даров как источников также показывает, что калмыцкие делегации стремились продемонстрировать специфику своей культуры, показать самобытное искусство, хотя в качестве даров религиозного характера использовались и предметы, изготовленные в других буддийских регионах.

Ключевые слова: астраханские калмыки, донские калмыки, дары калмыков, император Николай II, члены императорской семьи, буддизм, мандала, традиционное жилище, кочевая культура

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Мучаева И. И., Бакаева Э. П. «Великому Белому Царю ... в знак бесконечной любви»: дары калмыков императорской семье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 4. С. 24–51. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-28-24-51

“To the Great White Tsar ... as a Sign of Endless Love”: Gifts of the Kalmyks to the Imperial Family

Irina I. Muchaeva¹, Elza P. Bakaeva²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-7555-3182. E-mail: muchaevaii[at]yandex.ru

²Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate

 0000-0002-5188-1202. E-mail: ebakaeva[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Muchaeva I. I., Bakaeva E. P., 2023

Abstract. The process of the Kalmyk people's voluntary entry into the Russian state was accompanied by sending of official delegations to the royal court and the practice of offering gifts. This practice continued later. The article is devoted to the so-called "gifts of the Kalmyks" presented to members of the imperial family. The *purpose* of the article is to examine exhibits from the collections of the Russian Ethnographic Museum, representing gifts presented by Kalmyks to monarchs, as sources on the history of the events related to the deputations of the Don Kalmyks in November 1908 and Astrakhan Kalmyks in February 1909 to Emperor Nicholas II. *Materials and methods.* A range of sources was involved in the problem-chronological analysis, including exhibits from their Russian Ethnographic Museum, as well as official periodicals of the early 20th century, archival materials from the funds of the Russian State Historical Archive, accounting documentation and books of receipts of the Russian Ethnographic Museum. *Results.* The gifts were not random items of material value. Each of the items presented to the emperor was not only unique, but also had a symbolic meaning. The analysis of the symbolism of gifts indicates the desire of the Kalmyks, regardless of their administrative and territorial residence (Kalmyks of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province or Kalmyks of the Cossack villages of the Don Army Region), not only to the mutual location of the government and the people, but also to the manifestation of loyal feelings and the transmission of well-wishes not only in greeting addresses, but also in the language of gifts, with an appeal to the patronage of Buddhist deities. The analysis of gifts as sources also shows that the Kalmyk delegations sought to demonstrate the specifics of their culture, to show original art, although objects made in other Buddhist regions were also used as gifts of a religious nature.

Keywords: Astrakhan Kalmyks, Don Kalmyks, gifts of the Kalmyks, Emperor Nicholas II, members of the imperial family, Buddhism, mandala, traditional dwelling, nomadic culture

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Muchaeva I. I., Bakaeva E. P. “To the Great White Tsar ... as a Sign of Endless Love”: Gifts of the Kalmyks to the Imperial Family. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 4: 24–51. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-28-24-51

1. Введение

Свидетельствами славного исторического прошлого калмыцкого народа в составе Российского государства являются многочисленные письменные источники, отложившиеся в фондах архивных учреждений Российской Федерации, а также других стран. Однако к историческим источникам относятся и предметы материальной культуры, которые исследователи зачастую оставляют вне пределов научного внимания. При этом артефакты полноценно выступают свидетельствами не только непосредственной коммуникации участников событий, но и процесса конструирования ими внешней реальности. В музейных учреждениях Российской Федерации насчитывается немалое количество экспонатов, иллюстрирующих традиционную культуру калмыцкого народа и его буддийское мировоззрение. Цель статьи заключается в рассмотрении экспонатов из фондов Российского этнографического музея (далее — РЭМ), представляющих собой дары, которые преподнесены калмыками монаршим особам, как источников по истории событий, связанных с депутациями донских и астраханских калмыков к императору Николаю II в ноябре 1908 г. и феврале 1909 г. Дары, преподнесенные калмыками в рамках указанных депутатий, в последующем были переданы в фонды Русского музея Императора Александра III, ныне Российский этнографический музей.

Отдельные аспекты рассматриваемой тематики исследовались учеными разных направлений гуманитарной науки. Особое внимание со стороны исследователей заслуживают «буддийские» экспонаты, что объясняется растущим интересом современного общества к буддийской культуре.

Е. И. Нератова, хранитель Особой кладовой РЭМ, рассматривая комплекс предметов из фондов музея, преподнесенных императору Николаю II посланниками Далай-ламы XIII в честь 300-ле-

тия Дома Романовых, утверждает, что они не были специально изготовлены для подношения, вместе с тем направление даров оценивает как «как серьезно обдуманый шаг, направленный на достижение международного политического признания» [Нератова 2020: 150]. «Тибетские подарки» из фондов Государственного Эрмитажа стали предметом искусствоведческого анализа одного из ведущих специалистов по истории культуры и искусства Монголии и Тибета Ю. И. Елихиной [Елихина 2021: 406–418]. Подробное описание отдельных «даров калмыков» приводят авторы каталогизированного издания «Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея», которые отмечают: «калмыки-кочевники дарили Императору и вещи бытового назначения..., но основная часть их подношений — буддийские памятники, украшения алтаря» [Императорские коллекции 1995: 140].

При проведении данного исследования использовался метод исторической реконструкции событий начала XX в., связанных с поднесением даров монаршим особам калмыцкими депутациями. В ходе анализа привлекался круг источников, включающий официальные периодические издания начала XX в., архивные материалы из фондов Российского государственного исторического архива, отчетную документацию и книги поступлений РЭМ, которые позволили восстановить последовательность событий, перечень даров и дарителей.

2. Депутация донских калмыков

В газете «Новое время» за 29 ноября 1908 г. была опубликована фотография делегации донских калмыков, включавшей духовенство и светских лиц, удостоенных аудиенции с императором Николаем II в Царском Селе. В комментарии было указано: «Депутации поднесли Государю Императору модель буддийского храма и два кресла художественной работы из черного дерева, отделанные серебром, в восточном стиле» [Депутации 1908: 9]. «В состав депутации, возглавляемой Менко Бакаровичем Барманжиновым¹,

¹ В литературе обычно упоминается как М. Борманжинов [Борманджинов 1997: 24–26; и др.].

Депутация донских калмыков, прибывшая в С.-Петербург для представления Государю Императору и выражения вѣропопаданическихъ чувствъ калмыцкаго населения донскихъ степей, въ составѣ трехъ хуральныхъ бакшей (т.-е. приходскихъ духовныхъ лицъ) и трехъ станичныхъ стармановъ, во главѣ съ старшимъ бакшой донскаго калмыцкаго духовенства, г. Менно Барманджиниовымъ. Депутация должна поднести Государю Императору дары — два великолѣпныхъ рѣзныхъ кресла чернаго дерева съ серебреными украшениями и серебряную модель буддійскаго храма. По фот. К. Булла.

Фото 1. Депутация донских калмыков в Царском Селе 25 ноября 1908 г. Снимок фотографа К. Буллы [Депутация 1908: 885]

входили хурульные бакши Ш. Тепкин, Ш. Немгиров, Манцинов, а также станичные атаманы: станицы Граббевской — сотник Батырев, станицы Денисовской — коллежский регистратор Тепшинов, станицы Иловайской — вахмистр Теврюков» [Хроника 1908: 2]. Сведения об этом визите делегации донских калмыков освещались в одной из работ [Бакаева 2005].

В книге поступлений этнографического отдела Русского музея Императора Александра III за 18 февраля 1912 г. под № 2150 сделана следующая запись, раскрывающая детали одного из даров: «модель храма из серебра, поднесенная Его Императорскому Величеству Государю Императору бакшой донских калмыков М. Б. Барманжиновым 25 ноября 1908 г. в Царском Селе» [РЭМ. КП. XXX. Л. 165].

Несмотря на то, что определявшее общую линию политики государства в отношении калмыков «Положение по управлению калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. касалось всех калмыков, введенное этим законом единоначалие Ламы калмыцкого народа распространялось только на калмыков Калмыцкой степи Астраханской губернии и Большедербетовского улуса Ставропольской губерний. У донских калмыков «по сложившейся традиции до 1825 г. ламу калмыцкого народа избирали старшие гелюнги хурулов из своей среды» [Максимов 2023: 351]. По данным, представленным А. Э. Борманджиновым, самые ранние известия о ламе донских калмыков датируются началом 1806 г. [Борманджинов 1997: 9], при этом ученый называл только имя этого бакши — Йише [Борманджинов 1997: 10]. К. Н. Максимов на основании анализа архивных материалов из Государственного архива Ростовской области выяснил, что в 1806–1815 (1816) гг. главным священнослужителем донских калмыков являлся Ише Целенов, затем его сменил Джомсх Хуцыков, гелюнг хурула 4-й сотни Нижнего улуса (Ики-Бурул) [Максимов 2023: 352]. Но «официально избранным первым бакшой донских калмыков являлся Джембо Азугинов, который вступил в эту должность в конце 1760-х гг., а умер, как можно предположить, соглашаясь со сведением А. Борманджинова о смерти „ламы бакши“, в 1806 г....» [Максимов 2023: 352].

Донские калмыки имели особую систему управления, и потому по традиции Лама донских калмыков был самостоятельным, а процедура избрания Ламы калмыцкого народа также не предполагала участия в ней донских калмыков (см. о процедуре: [Бакаева 2001]). Как отмечают исследователи, у донских калмыков к концу XIX в. сформировалась самостоятельная церковь, и они избирали своего Ламу донских калмыков [История буддизма 2011: 35]. По утверждению К. Н. Максимова, глава донского калмыцкого духовенства стал именоваться «Лама, вместо „Бакши“», с 1902 г. и назначался высшей властью, т. е. императором» [Максимов 2016: 314].

Регистрация экспоната, названного «модель храма из серебра», получателем которого указывается император Николай II, была проведена сотрудником этнографического отдела Русского музея, князем Д. Э. Ухтомским. Им же было дано подробное описание предмета: «на основании из лепестков лотоса возвышается четырехугольное основание храма, на каждой стороне выступ с лестницей, посередине которой выступает голова ваджры. У подножия храма восемь сосудов. На верху основания храма галерейка с позолоченными изображениями бурханов. Внутри, за стеклянными окнами — ряд маленьких бурханов с изображением Ямантаки посередине. По углам плоской крыши — четыре жертвенные чаши из человеческих черепов. Под каждым входом „колесо закона“ с двумя ланями. Посередине крыши возвышается купол, увенчанный маленькой золоченой пагодой с головой ваджры на верху крыши. Кругом подножия храма маленькие фигурки низших божеств, зверей и высота храма 0,42 м, диаметр основания 0,46 м» [РЭМ. КП. XXX. Л. 165].

Позднее на странице регистрации экспоната под № 2150-1 синими чернилами сделана пометка: «Это не модель храма, а скульптурная мандала» [РЭМ. КП. XXX. Л. 165]. По утверждению специалистов в области искусствоведения, трехмерная мандала включает в себя следующие формы: архитектурная мандала и мандала-скульптура в форме жертвенного алтаря для подношений [Чжу, Чжу 2016: 214–216]. «...слово „мандала“ означает модель идеального мира, используемую в молитвенной практике и храмовом слу-

Фото 2. Мандала «13 божеств сферы Шри Ваджрабхайравы», коллекционный номер 2150-1. Фото с сайта РЭМ: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/397348?query=2150-1&index=0>

жени. Мандала — это и символ мироустройства, уменьшенный образ вселенной, и место, где встречаются божественное и земное, где человек может достичь совершенства» [Чжу, Чжу 2016: 210]. В какой-то степени Д. Э. Ухтомский был прав, обозначив дар донских калмыков как «модель». Произведенные им замеры несколько не соответствуют современным описаниям, приведенным на официальном сайте РЭМ (высота 0,44 м и диаметр основания 0,47 м) [Мандала]. Трепетное отношение Д. Э. Ухтомского к предметам буддийского культа выразилось в нескольких строках его письма, адресованного заведующему этнографическим отделом Русского музея Н. М. Могилянскому: «Крайне волнуюсь о судьбе буддийских коллекций, ...боюсь попадет в какие-нибудь безграмотные руки, жалко будет прекрасной коллекции и зря потерянной

работы моей» [РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 641. Л. 25]. Письмо датировано 16 июня 1915 г., оно было написано в разгар Первой мировой войны, когда автор находился на Юго-западном фронте, состоя на службе оперуполномоченным Красного Креста. Вскоре после отравления ядовитыми газами 7 октября 1918 г. он скончался в Москве от туберкулеза.

Атрибуция экспоната в современный период была произведена старшим научным сотрудником Государственного музея истории религии О. В. Горовой, которая определяет его как серебряную мандалу «13 божеств сферы Шри Ваджрабхайравы», созданную во второй половине XIX в. в Пекине по заказу калмыков [Мандала]. Мандала Ваджрабхайравы хранится среди экспонатов Российского этнографического музея [Федорова 1999: 118–119]. М. В. Федорова пишет об этом даре донских калмыков: «Мандала представляет собой модель, созданную в виде дворца, окруженного концентрическими кругами, в которые вписаны ваджры, восемь Великих кладбищ и кольцо лotosовых прудов. В центре дворца помещен идам — Великий Шри Ваджрабхайрава (букв. „угрожающий ваджрой“) в форме яб-юм. Его окружают двенадцать пар божеств — неразрывные сущности Ваджрабхайравы. Мандала принадлежит к памятникам буддийского учения самого высокого и эзотерического уровня — третьего раздела буддизма — Ваджраяны или Алмазной колесницы. Ваджрабхайрава-тантра относится к высшему разряду тантр — Ануттара-йога-Тантра, или Тантра наивысшей йоги, и является основной тантрой, практикуемой школой Гелуг в Тибете, Монголии, Бурятии и Калмыкии. Мандала Ваджрабхайравы была создана в Пекине в XIX в. по заказу буддистов Калмыкии как сакральный предмет для помещения на алтарь в качестве объекта поклонения. 25 ноября 1908 г. в Царском Селе в Александровском дворце мандала была преподнесена депутацией от донских калмыков в дар российскому императору Николаю II. Депутацию возглавлял бакши-лама (глава духовенства донских калмыков) выдающийся философ-богослов и просветитель Мункэ Борманжинов (1855–1919). Поднесение мандалы являлось знаком высшего почитания монарха. В 1912 г. Николай II передал мандалу в дар Этно-

графическому Отделу Русского музея. Этот уникальный памятник буддийского искусства, представляющий большую религиозную, историческую и художественную ценность, поистине можно считать сокровищем Российского Этнографического музея, не имеющим аналогов в музеях не только России, но и Европы» [Мандала].

В альбоме «Буддизм в России», подготовленном по материалам выставки, М. В. Федорова также пишет, что данный экспонат из РЭМ создан в Китае по заказу калмыцких буддистов как священный предмет. Он изготовлен из серебра с позолотой и вставками из коралла и лазурита. Затем он был преподнесен императору Николаю II. Исследователь отмечает, что мандалы могут быть двумерными, нарисованными на холсте, бумаге или сделанными из цветных порошков (например из песка), и трехмерными, сделанными из бумаги, масла, глины, дерева, камня, металла. Пространственные мандалы, сделанные из драгоценных металлов, могут представлять собой модели дворцов, сфер, где обитают Будды и бодхисаттвы. Они помещаются на алтарь в качестве предметов поклонения верующих или используются в качестве постоянных священных предметов во время медитации адепта. Мандала 13 божеств Шри Ваджрабхайравы принадлежит к таким трехмерным мандалам, символизирующим трансцендентные миры йидамов. Храм Великого Шри Ваджрабхайравы расположен в центре дворца. Ваджрабхайрава — санскритское имя божества, по-тибетски его именуют *rdorje 'jigs byed* — буквально ‘размахивающий ваджрой’; он также известен как Ямантака и действует как гневное проявление бодхисаттвы Манджушри. Ваджрабхайрава изображен с темно-синим телом; у него 9 лиц, центральное лицо напоминает бычью голову и увенчано рогами; также у него 34 руки и 16 ног. Божество изображено в форме «яб-юм», совокупляющимся со своей праджней Ваджра Ветали. Центральное божество мандалы окружено двенадцатью парами божеств, неразделимыми сущностями Ваджрабхайравы [Buddhism in Russia 2011: 71]. Как видно, современные ученые также называют скульптурную мандалу моделью, выполненной в форме дворца, что подтверждает изначальную атрибуцию, сделанную Д. Э. Ухтомским. Данный факт

обусловлен экзотерической и эзотерической символикой мандалы, которая верующими понимается как храм божества, а посвященными монахами как символ вселенной.

Важно отметить: специалисты согласны с мнением о том, что предмет буддийского культа был создан для поклонения и затем был избран в качестве дара императору, а не специально изготовлен для дарения.

Дары императору Николаю II от донских калмыков, переданные в 1908 г., постигла разная участь. Если серебряную мандалу «13 божеств сферы Шри Ваджрабхайравы» передали в Русский музей, и она ныне находится в Российском этнографическом музее, то преподнесенные два кресла, предназначавшиеся для императора и его супруги, находились в Александровском дворце Царского Села до 1917 г. Затем началась передача дворцов-музеев в Государственный музейный фонд, который далее распоряжался предметами по решению его руководства. «В 1927 году из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда с ошибочным примечанием: „работа китайских мастеров“ было передано одно кресло в Художественный отдел при Западно-Сибирском краевом музее (ныне Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля). Второе тронное кресло, переданное в 1927 году из Государственного музейного фонда, перешло в ведение Восточно-Сибирской торговой палаты. Экспонат Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля сохранился со значительными утратами фанеровки и малых серебряных накладок», — пишет Д. В. Сангаджиева со ссылкой на работу И. А. Глазова¹ [[Сангаджиева 2017](#)]. На оборотной стороне спинки тронного кресла, на прямоугольной металлической пластине выгравирована памятная надпись: «Поднесено Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Александре Федоровне депутацией от калмыцкого народа Донской области во главе с Бакшою Донских калмыков 25 ноября 1908 года в Царском Селе» [[Спирина 2005: 176](#)].

¹ [[Глазов 2011: 217](#)].

Фото 3. Тронное кресло императрицы, подаренное депутацией донских калмыков в 1908 г.

Как отмечают исследователи, в работе над созданием тронных кресел, поднесенных депутацией донских калмыков, принимали участие калмыцкие художники, среди которых был Киирб Бадаков [Сангаджиева 2017; Церенов 2013].

Таким образом, дары донских калмыков императору Николаю II включали предмет религиозного культа и роскошные предметы обстановки. Один из даров был изготовлен в Пекине, причем не специально для поднесения высоким особам. Другие два предмета были специально изготовлены для императорской четы, о чем свидетельствует функциональное назначение тронных кресел, а также сохранившаяся надпись на табличке, закрепленной на оборотной стороне спинки тронного кресла.

3. Депутация астраханских калмыков

18 февраля 1909 г. в разделе «Внутренние известия» газеты «Правительственный вестник» было опубликовано сообщение о депутации калмыков Астраханской губернии «имевшей счастье представляться в Царском Селе Его Величеству Государю Императору» 17 февраля 14.30 час. в Малой библиотеке Александровского Дворца. Император с наследником и великим князем Алексеем Николаевичем выслушали адрес с выражением верноподданнических чувств калмыцкого народа, прочитанный членом депутации, корнетом лейб-гвардии гродненского гусарского полка князем Д. Тундутовым. Исправляющий должность ламы калмыцкого народа Чимид Балданов и другие духовные лица поднесли императору и наследнику изображение буддийского божества Дара-эхе. Прочие члены депутации «имели счастье» поднести императору серебряную модель местной разборной кибитки и деревянные с серебряной отделкой кувшин и чашку [Внутренние известия 1909: 2]. Сообщение о состоявшемся в Санкт-Петербурге приеме императором калмыцкой депутации телеграфом было передано в Астрахань и 20 февраля опубликовано в печати [Телеграфные известия 1909: 2]. Подробности встречи, включая состав делегации, газета «Астраханские губернские ведомости» сообщила 25 февраля. В депутацию, посвященную 300-летию вхождения калмыцкого народа

Фото 4. Депутация астраханских калмыков в Царском Селе. 17 февраля 1909 г.

в состав Российского государства, вошли пять духовных лиц: Лама калмыцкого народа Чимид Балданов, старший бакша Малодербетовских хурулов Убуши Музаев, начальник Алексеевского хурула Манычского улуса Цеден Шарапов, начальник V Онкорова малого хурула Читырь Бюрюнов, гелюнг IV Данджагин малого хурула Наран Лиджиев, а также 12 светских лиц: астраханский губернатор, генерал-лейтенант генерального штаба И. А. Соколовский; заведующий калмыцким народом Астраханской губернии, титулярный советник С. А. Козин; корнет лейб-гвардии гродненского гусарского полка князь Д. Тундутов, поверенные по земельным делам: потомственный дворянин Лиджи Талтаев, зайсанг Эреджен Шарапов, зайсанг Гаря Балзанов, член землеустроительной комиссии Эрдени Азыдов, Бальдюр Бельтриков, Дунду-хурулова рода Малодербетовского улуса Тарас Мучкаев, Найтанкинова рода Манычского улуса Лиджи Эрендженов; представитель Александро-Багацохуровского улуса Сангаджи Уланов [[Хроника 1909: 2](#)].

В том же году дары, поднесенные калмыками императору, были переданы им в Русский музей, о чем свидетельствует документ, направленный его секретарем 14 марта 1909 г. в канцелярию Министерства Императорского Двора, о получении предметов по описи [[РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 45. Л. 12](#)]. В отчете за 1909 г. этнографического отдела в разделе «Пожертвования, поступившие в 1909 г.» под пунктом 2 значатся следующие предметы: «серебряный бурхан в киоте, поднос, кувшин и чашка для чая, модель юрты из серебра, два белых хадака (предметы преподнесены депутацией астраханских калмыков)» [[РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 49. Л. 17](#)]. Регистрация их в качестве поступления в фонды этнографического отдела Музея была произведена 13 апреля 1909 г. князем Д. Э. Ухтомским. В заглавной части листа отмечается: «Высочайший дар Императора Николая II. Представлены Государю императору 17 февраля 1909 г. депутацией от калмыков Астраханской губернии [[РЭМ. КП. XXXI. Л. 438](#)]. В таблице 1 приведен список экспонатов РЭМ, которые являются дарами, преподнесенными делегацией от астраханских калмыков в феврале 1909 г. калмыков, в соответствии с данными книги поступлений музея.

*Таблица 1. Перечень экспонатов из фондов
Российского этнографического музея из числа даров,
поднесенных калмыками 17 февраля 1909 г. императору Николаю II
[РЭМ. КП. XXI. Л. 438]*

№	Коллекционный номер	Название	Описание
1	1469-1	Изображение буддийского божества Дара-эхе	Серебряное позолоченное. Высота 38 см. Киот красного дерева. Основание 39 x 39 см. Резные стилизованные лотосы. У верхнего края основания прикреплены винтами серебряная пластинка 28 x 2 см с чеканной надписью «Великому Белому Царю Николаю Александровичу от верноподданных Астраханских калмыков в знак бесконечной любви». В передней части киота выдвижное зеркальное стекло в раме с надписью золотом «Гетлгч Дара-эхе». Наверху киот сходится острым гребнем посередине, к которому привинчен серебряный субурган (высота 13 см). Общая высота киота без верхнего субургана 57 см. Ящик 9 x 9 см, задвигающийся спереди в дно киота; в нем помещается ключ, запирающий выдвижное стекло киота. Серебряный ключ — длина 8,5 см.
2	1469-2	Поднос	Поднос серебряный с изображением по углам верблюдов, коров, баранов, лошадей. По борту подноса надпись «Его Величеству Государю Императору Николаю Александровичу верноподданные Астраханские калмыки». Размер 71 x 49 см.

3	1469-3	Чашка карельской березы	Донышко оправлено серебром; по верхнему краю серебряный ободок. Диаметр верхнего края 12 см.
4	1469-4	Кувшин для чая	Кувшин деревянный в виде усеченного конуса. Диаметр основания 17 см, высота 36 см. Диаметр верхнего края 8 см. Верхняя часть наполовину перпендикулярно спилена на протяжении 9 см. Края отделаны серебром. На кувшине 3 серебряных обруча чеканной работы. 2 верхних обруча соединены дужкой, образующей ручку. В верхней части ручки — кольцо, в которое закреплена серебряная цепочка длиной 44 см. Противоположный конец цепочки раздвигается и на одном конце — трехгранная пробочка в серебряной оправе, а на другом — крышка для кувшина в виде серебряного диска (диаметром 6 см)
5	1469-5	Модель калмыцкой юрты из серебра	Каркас кибитки из брусьев. Двери с эмалью. Диаметр 34 см, высота 29 см. Верхняя крышка кибитки из матового серебра, переплетенного полосками черного серебра. Диаметр 39 см, высота 37 см.
6	1469-6	Хадак	Белый шелковый. Размер: 406 x 55 см.
7	1469-7	Хадак	Белый шелковый. Размер: 170 x 55 см.

4. Символика даров

Все вышеперечисленные дары калмыцких делегаций императору, в том числе хранящиеся в РЭМ, можно разделить на две категории: религиозные и светские. Так, к категории религиозного характера относятся: мандала «13 божеств сферы Шри Ваджрабхай-

равы», скульптура буддийского божества «Дара-эхе» и хадаки. К светским дарам относятся: два кресла художественной работы из черного дерева, отделанные серебром, в восточном стиле, модель калмыцкой юрты, поднос, кувшин и чашка. Во время аудиенции дары, имеющие религиозное значение, преподносили императору священнослужители, тогда как имеющие светский характер предметы дарили не духовные лица.

Рассмотрение перечисленных даров, преподнесенных в разное время двумя калмыцкими депутациями, с точки зрения символической коммуникации позволяет утверждать об их глубинном смысле.

4.1. Дары религиозного характера

В культуре монгольских народов серебро символизирует чистоту, в том числе чистоту чувств. В этом аспекте поднесение изготовленной из серебра мандалы 13 божеств сферы Ваджрабхайравы является символом чистосердечного дара, приносимого делегацией духовенства калмыков.

По мнению авторов каталогизированного издания «Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея», «обряд поднесения учителю мандала Мироздания вполне мог подразумеваться при выборе особого дара Императору Российской империи Николаю II, монарху, защитнику и наставнику, — со скрытым смыслом бесконечного почитания монарха» [[Императорские коллекции 1995: 143, 146](#)]. Соглашаясь с мнением исследователей, приведем сведения, позволяющие раскрыть глубже символику поднесения вышеуказанного дара императору донским духовенством.

Обряд подношения мандалы широко распространен в буддизме. В буддийской обрядности монгольских народов «назначение мандала состоит в том, чтобы приносить на нем жертвы; поэтому в кумирне на мандале можно всегда видеть насыпанными зерна пшеницы, перемешанные с разноцветными раковинками, кусочками серебра и мелкими монетами. ... Символическое значение принесения в жертву мандала есть вручение всего мира покровительству и заступничеству того божества, в честь которого при-

носится мандала; отсюда принесение мандала составляет высшее доказательство человеколюбия и веры приносящего» [Позднеев 1993: 97]. В практике буддистов подношение мандалы символизирует поднесение всего самого роскошного и прекрасного со всей вселенной, ее центра, то есть символизирует подношение всей вселенной. И те лица, кому подносится мандала, также являются объектом буддийского прибежища, т. е. находятся под прибежищем буддийского учения и его трех сокровищ: Будды, учения и сангхи (общины священнослужителей). Соответственно подношение мандалы можно соотнести с формулой благопожеланий у монгольских народов, слова которых завершаются обращением к буддийским божествам с просьбой покровительствовать для свершения всего, что перечислено в благопожелании.

Мандала, преподнесенная царствующей особе, выступала знаком всемерного и бесконечного почитания монарха. С одной стороны, вручение мандалы символизировало подношение всей вселенной и являлось знаком почитания императора, к которому обращались за покровительством. С другой стороны, ритуал подношения мандалы означает обращение к тому божеству, в честь которого она создана, в частности в случае с даром от донских калмыков императору Николаю II — к божеству Ваджрабхайраве или Ямантаке.

Необходимо учитывать, что в глубинном смысле термин Ямантака обозначает трех божеств: Ваджрабхайраву, Крашна Ямари (Черный Ямари, тиб. gShin-rje gshe dnag-po), Ракта Ямари (Красный Ямари, тиб. gShin-rje gshed dmar-po) [Берзин], но в среде монгольских народов Ямантакой называют именно форму Ваджрабхайравы, имеющего в изображении голову буйвола (в отличие от Черного и Красного Ямари). В целом практика Ямантаки направлена на преодоление смерти; само имя Ямантака означает «Тот, кто покончил с Владыкой Смерти». В традиции школы гелуг, которая была широко распространена среди монгольских народов, практика Ямантаки имеет большое значение, она объединяет практики трех божеств — Гухьясамаджи, Чакрасамвары и Ямантаки (Ваджрабхайравы). Как отмечает известный буддолог А. Берзин, «все

практики защитников, которые делают в традиции гелуг, делаются в контексте самопроявления в виде Ямантаки» [Берзин].

Таким образом, подношение мандалы Ваджрабхайравы (Ямантаки) символизировало как почитание верховного правителя и через это выражение подданства, так и благопожелание его долгой жизни через обращение к божеству Ваджрабхайраве.

Буддийское божество Гетлгч Дара-эхе — бодхисаттва Тара (калм. *Дэрк, Дэри эк*), спасительница — наиболее популярный женский образ в буддийском пантеоне божеств в тибетском буддизме. По утверждению современных исследователей в области лингвистики, теоним «Дэрк» смешанного калмыцко-санскритско-

Фото 5. Скульптура божества Тара (Дара эк). Фото с сайта РЭМ: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ОБЪЕКТ/428395?query=1469-1&index=0>

го происхождения. Он образован в результате стяжения двух слов: *Тара* (санскр., в произношении калмыков *Дара, Дэри*) и *эк* (калм. ‘мать’). Наличие семы «мать» в имени ботхисаттвы не случайно: Она считается матерью всех будд [Балтырева, Есенова 2013: 59].

4.2. Дары светского характера

Среди даров, поднесенных депутацией донских калмыков в 1908 г., — два тронных кресла, которые были изготовлены специально для императорской четы. Согласно данным устных историй, в создании этих кресел принимали участие калмыцкие художники, работавшие при буддийских хурулах [Сангаджиева 2017; Церенов 2013]. Следовательно, тронные кресла были изготовлены в Калмыкии.

В число даров, поднесенных депутацией астраханских калмыков, вошли четыре предмета, несомненно, составлявшие комплекс, иллюстрирующий кочевой образ жизни калмыков: модель кибитки, поднос и кувшин с традиционной калмыцкой чашкой.

Дарственная надпись, сделанная по краям подноса, конкретно обозначает дарителя как «верноподданного», т. е. соблюдающего верность монарху. Изображения четырех видов скота, декорирующих по углам серебряный поднос, выступают символами изобилия и благополучия. Знаковым моментом является то, что в число основных видов скота в соответствии с калмыцкой традицией включены верблюды, коровы, овцы, лошади, которые составляют основу кочевого хозяйства калмыков — в отличие от, например, хозяйства монголов, в котором насчитывается пять основных видов скота (включаются и козы).

Выражая верноподданнические чувства и проявляя уважение к царствующей семье, калмыки преподносили в дар лучшие произведения декоративно-прикладного искусства, наглядно иллюстрирующие кочевой быт народа. Каждый предмет демонстрирует наследие и опыт предыдущих поколений мастеров прикладного искусства [Мучаева 2022: 25]. Вместе с тем в число даров включали и произведения искусства, изготовленные в других регионах: так, мандала 13 божеств сферы Ваджрабхайравы изготовлена в Китае.

В процессе символической коммуникации ее сторонами выступают как минимум два актора. В данном случае монарх в лице императора Николая II и калмыцкий народ, представляемый депутацией. Рассмотрение символического языка даров, преподнесенных калмыками монаршим особам, позволяет обозначить основные концепты их мироощущения как подданных в составе Российского государства. Во-первых, выражение подданства и благопожелание долгой жизни и правления императору; во-вторых, выражение надежд на взаимопонимание и благоденствие; в-третьих, напоминание о традиционном вероисповедании через посредство вручения даров, связанных с буддийской религией и имеющих экзотерический и эзотерический смысл.

По мнению Н. В. Цыремпилова, «к концу XIX в. в сознании российских буддистов образ монарха стал прочно ассоциироваться с просветленной буддийской богиней Белой Тарой» [Цыремпилов 2020: 17]. При этом «сакрализация российских монархов, вероятно, восходит еще к XVIII в. и может быть связана с особой ролью императриц Елизаветы Петровны и Екатерины Великой в легализации буддийской общины. Для бурят, чья религия имела не очень надежные позиции в империи, введение российских монархов в символическую буддийскую сакральную географию могло быть своеобразным выражением их стремления сохранить свою религиозную идентичность, оставаясь преданными подданными Романовых, что объяснялось „стремлением сохранить свою религиозную идентичность“» [Цыремпилов 2020: 17]. Однако положение буддийской церкви калмыков отличалось от положения бурятской. «Легализация буддийской общины» в XVIII в. не являлась актуальной, так как в Калмыцком ханстве проводилась самостоятельная внутренняя политика и осуществлялись внешние связи с буддийским миром (см., например: [Бакаева 2019; Бакаева 2020; Митруев 2021; Митруев, Гедеева 2021; Митруев 2022]). В конце XIX – начале XX вв. активизировались связи с Тибетом калмыцких буддистов. Таким образом, комплексное рассмотрение источников позволяет рассматривать дар религиозного содержания — мандалу 13 божеств Ваджрабхайравы — как выражение почитания прави-

теля и подданства, а также благопожелания долгой жизни и правления императору через посредство буддийской символики.

Идея сохранения приверженности к буддизму, по утверждению А. А. Курапова, актуализируется в условиях доминанты православной миссии в среде инородцев, которая реализуется в этноконфессиональной политике Российского государства [Курапов 2021: 307]. Вместе с тем ученые убедительно показали, что результаты православной миссии среди калмыков были весьма скромными [Курапов 2021; Орлова 2006].

Прием со стороны императора своих подданных — это не только проявление внимания, но и узнавание — непосредственное знакомство с подвластным населением. По мнению В. В. Трепавлова, «даже эпизодические контакты власти с инородцами выступают дополнительным каналом информации о положении в провинциях, средством получения сведения от самого нижнего социального слоя подданных, через голову стоящего над ними многочисленного и многоступенчатого начальства» [Трепавлов 2014: 18].

5. Заключение

Изучение источников, связанных с депутациями донских и астраханских калмыков к императору Николаю II, в ноябре 1908 г. и феврале 1909 г., сопровождавшихся преподнесением даров монаршим особам, позволило восстановить указанные события в контексте дары / дарители в рамках проблемно-хронологического подхода. В качестве даров преподносились не случайные предметы, имеющие материальную ценность. Каждый из предметов, представленный императору, был не только уникальным, но и имел символическое значение. Проведенный анализ символики даров указывает на стремление калмыков, вне зависимости от их административно-территориального проживания (калмыки Калмыцкой степи Астраханской губернии или калмыки казачьих станиц Области Войска Донского), не только к взаимному расположению власти и народа, но и к проявлению верноподданнических чувств и передаче благопожеланий как в приветственных адресах, так и в языке даров, с обращением к покровительству буддийских

божеств. Анализ даров как источников также показывает, что калмыцкие делегации стремились продемонстрировать специфику своей культуры, показать самобытное искусство, хотя в качестве даров религиозного характера использовались и предметы, изготовленные в других буддийских регионах.

Источники

Депутации 1908 — Депутации ламаистского духовенства от донских калмыков, представлявших в Царском селе Государю Императору // Новое время. 1908. 29 ноября (21 декабря). № 11753. С. 9.

Депутация 1908 — Депутация донских калмыков, прибывшая в Санкт-Петербург для представления Государя Императору и выражения верноподданнических чувств калмыцкого населения донских степей, в составе трех хурульных бакшей (т. е. приходских духовных лиц) и трех станичных атаманов, во главе с старшим бакшой калмыцкого духовенства, г. Менко Барманджиновым. По фот. К. Булла // Нива. 1908. № 50. С. 885.

Мандала — Мандала «13 божеств сферы Шри Ваджрабхайравы». Монголы [электронный ресурс] // URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/397348?query=2150-1&index=0> (дата обращения: 01.08.2023).

РГИА — Российский государственный исторический музей.

РЭМ КП — Российский этнографический музей. Книга поступлений.

Литература

Бакаева 2001 — *Бакаева Э. П.* Глава калмыцкой церкви (шаджин-лама): процедура избрания // Российское монголоведение. Бюллетень V. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. С. 312–324.

Бакаева 2005 — *Бакаева Э. П.* История одного визита // Восточная лекция. 2005. № 4(23). С. 14–16.

Бакаева 2019 — *Бакаева Э. П.* Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 5. С. 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925

Бакаева 2020 — *Бакаева Э. П.* Об этнической идентичности ойратов и калмыков в тибетской религиозной традиции: мицаны Дрепунг Гоманга // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1546–1557. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557

- Балтырева, Есенова 2013 — *Балтырева И. А., Есенова Т. С.* К исследованию буддийских прецедентных имен-теонимов в калмыцкой лингвокультуре (на примере теонимов *Дэрг* и *Окн-Теңер*) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 59–62.
- Берзин — *Берзин А.* Что такое практика Ваджрабхайравы – Ямантаки? [электронный ресурс] // Study Buddhism. By Berzin archives. URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinutyu-uroven/vadzhrayana/tantra-prodvinutyu-uroven/chto-takoe-praktika-vadzhrabhayravu-yamantaki> (дата обращения: 03.08.2023).
- Борманджинов 1997 — *Борманджинов А.* Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков. Элиста: КИГИ РАН, 1997. 60 с.
- Внутренние известия 1909 — Внутренние известия // Правительственный вестник. 1909. 18 февраля. № 37.
- Глазов 2011 — *Глазов И. А.* Декоративно-прикладное искусство // Омский областной Музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Альбом. Омск: ООМИИ им. М. А. Врубеля, 2011. 264 с.
- Елихина 2021 — *Елихина Ю. И.* Некоторые дары Далай-ламы XIII Николаю II из коллекции Государственного Эрмитажа // Ориенталистика. 2021. Т. 4. № 2. С. 406–418.
- Императорские коллекции 1995 — Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея «Цари народам — народы царям». М.; СПб.: Паспорт Интернэйшил, 1995. 150 с.
- История буддизма 2011 — История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. Элиста: Минобрнауки Республики Калмыкия, 2011. 392 с.
- Курапов 2021 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 416 с.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII–XX в.). Ростов-на-Дону: изд-во Южного научного центра РАН, 2016. 576 с.
- Максимов 2023 — *Максимов К. Н.* Духовенство калмыков-казаков Дона в XVIII – первой половине XIX в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 347–367. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-347-367
- Митруев, Гедеева 2021 — *Митруев Б. Л., Гедеева Д. Б.* Печати на калмыцких деловых документах XVII–XVIII вв. как источник для изучения калмыцко-тибетских связей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 23–43. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-

- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Три печати Аюки-хана // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 44–61. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Митруев 2022 — *Митруев Б. Л.* Печать Дайчин Шаса-Бюджа-хана // Монголоведение. 2022. № 2. С. 383–392. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-383-392
- Мучаева 2022 — *Мучаева И. И.* Хошеутовский улус в программе путешествия царской семьи летом 1871 г.: к истории происхождения калмыцких экспонатов Российского этнографического музея // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 23–35.
- Нератова 2020 — *Нератова Е. И.* Меч, доспех и саадак — дар Николаю II // Историческое оружиеведение. 2020. № 9. С. 150–169.
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков : середина XVII – нач. XX в. М.: Вост. лит., 2006. 205 с.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монахырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд. репринтное. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
- Сангаджиева 2017 — *Сангаджиева Д. В.* Тронное кресло императрицы Александры Федоровны — дар от калмыцкого народа // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 1. С. 142–149. DOI: 10.22162/2541-9749-2017-3-1-142-149
- Спирина 2005 — *Спирина И. В.* Тронное кресло: история, архивы, гипотезы // Декабрьские диалоги: Вып. 7. Мат-лы Всеросс. науч. конф. памяти Ф. Б. Милехина. Омск: Наука, 2005. С. 176–179.
- Телеграфные известия 1909 — Телеграфные известия // Астраханские губернские ведомости. 1909. 20 февраля. № 22.
- Трепавлов 2014 — *Трепавлов В. В.* Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 8–19.
- Федорова 1999 — *Федорова М. В.* История комплектования калмыцких коллекций Российского этнографического музея // Международный симпозиум, посвящ. 400-летию со дня рождения основателя ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») Зая-пандиты и 390-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. Тезисы докладов и сообщений. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 1999. С. 118–119.

- Хроника 1908 — Хроника // Донские областные ведомости. 1908. № 258 (2 декабря).
- Хроника 1909 — Хроника // Астраханские губернские ведомости. 1909. 25 февраля. № 24.
- Чжу, Чжу 2016 — *Чжу Л., Чжу К.* Тибетская мандала: виды и техника // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2016. № 3 (44). С. 210–217.
- Церенов 2013 — *Церенов В. З.* Бессмертное творение Кирба Бадакова // Аргументы Калмыкии. 2013. 23 августа. № 25–28.
- Цыремпилов 2020 — *Цыремпилов Н. В.* Москва как буддийский рай: бурятская депутация на коронации Николая II // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 13–31.
- Buddhism in Russia 2011 — Buddhism in Russia. St.Petersburg, 2011. 220 p.